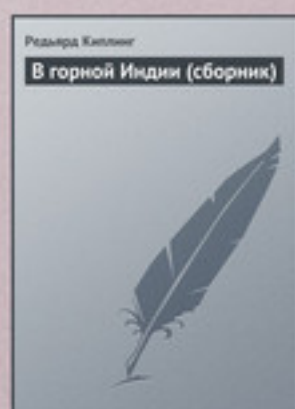

Редьярд Киплинг

Ресслей из министерства иностраннных дел

*Часть сборника
В горной Индии (сборник)*

Редьярд Киплинг
**Ресслей из министерства
иностраннных дел**

«Public Domain»

1887

Киплинг Р. Д.

Ресслей из министерства иностранных дел / Р. Д. Киплинг —
«Public Domain», 1887

«Одним из многочисленных проклятий нашей жизни в Индии является недостаток атмосферы, в том смысле, в каком понимают её художники. Нет сколько-нибудь заметных полутонов. Люди выступают резко и грубо, и нечем их смягчить, и не с чем их сравнить. Они делают своё дело, и в конце концов проникаются мыслью, что нет ничего, кроме их дела, и нет ничего выше их дела, и что они-то и есть те самые винты, на которых вертится вся администрация...»

Редьярд Киплинг

Реслей из министерства иностранных дел

* * *

Одним из многочисленных проклятий нашей жизни в Индии является недостаток атмосферы, в том смысле, в каком понимают её художники. Нет сколько-нибудь заметных полутонов. Люди выступают резко и грубо, и нечем их смягчить, и не с чем их сравнить. Они делают своё дело, и в конце концов проникаются мыслью, что нет ничего, кроме их дела, и нет ничего выше их дела, и что они-то и есть те самые винты, на которых вертится вся администрация. Приведу пример этого настроения. Один писец смешанной расы разлиновывал однажды бланки в платёжной кассе. Он сказал мне: «Знаете, что случилось бы, если бы я прибавил или убавил одну строчку на этой странице?» Затем, с видом заговорщика: «Это дезорганизовало бы все платежи казначейства во всем государстве! Подумайте только!»

Если бы не это заблуждение относительно чрезвычайной важности их личных занятий, полагаю, что все эти люди просто-напросто взяли бы и покончили с собой. Тем не менее их слабость очень надоедлива, в особенности когда слушатель сознаёт, что грешит точно тем же.

Даже министерство и то воображает, что поступает превосходно, когда предписывает переутомлённому чиновнику установить количество долгоносиков на пшеничных полях в округе в пять тысяч квадратных миль.

Был однажды в министерстве иностранных дел человек, достигший средних лет в ведомстве и способный, по словам непочтительных юнцов, повторить во сне «Трактаты» Эчисона, начиная с конца. Что он делал с накопленными им знаниями, известно было одному министру, а тот, разумеется, не стал бы разглашать этого. Имя этого человека было Реслей, и в то время принято было говорить, что «Реслей знает о Центральной Индии больше, чем кто бы то ни было на свете». Тот, кто так не говорил, обвинялся в недомыслии.

В наше время чаще требуются люди, способные разобраться в пограничных осложнениях, но в дни Реслея много внимания уделялось центральным государствам Индии. Их звали «средоточиями» и «факторами» и всякими иными внушительными наименованиями.

И здесь-то особенно остро давало себя знать проклятие англо-индийской жизни. Когда Реслей возвышал голос и заговаривал о таком-то порядке наследования такого-то престола, министерство иностранных дел хранило молчание, а начальники департаментов лишь повторяли последние два-три слова из фраз Реслея, приговаривая «да, да» и воображая, что помогают империи бороться с серьёзными политическими затруднениями. В большинстве крупных учреждений всю работу исполняют два-три человека, в то время как остальные сидят по соседству и разговаривают, дожидаясь, чтобы начали сыпаться созревшие ордена.

Таким работником в «Фирме Иностранных Дел» был Реслей, и, чтобы удержать его на высоте, когда подмечались признаки переутомления, начальство нянчилось с ним и твердило ему, что он выдающийся малый. Будучи человеком стойким, он не нуждался в лестии, но та, которую он получал, укрепляла его в убеждении, что нет существа более абсолютно и безусловно необходимого для непоколебимости Индии, чем Реслей из министерства иностранных дел. Могли быть и другие хорошие люди, но известным, почитаемым и самым доверенным из всех был Реслей из министерства иностранных дел. Наш тогдашний наместник превосходно умел «сгладить» своенравную особу и подбодрить приунывшего маленького человека и добивался таким образом того, что вся его упряжка шла нога в ногу. Он-то и внушил Реслею то убеждение, о котором я упомянул выше, а даже и стойкие люди склонны закачаться от наместнической похвалы. Был даже случай... но это другая история.

Вся Индия знала фамилию и должность Ресслея – все это значилось в адрес-календаре Такера и Спинка, но кто он такой сам по себе, что он делает, в чем заключаются его личные заслуги – об этом знали едва ли пятьдесят человек. Все его время было поглощено работой, и ему некогда было заводить знакомства, разве только с умершими раджпутанскими вождями с ахирскими пятнами на гербах. Из Ресслея вышел бы превосходный служащий департамента геральдики, если бы он не был бенгальским чиновником.

В один прекрасный день, в промежутке между часами занятий, с Ресслеем стряслась большая беда – захлестнула его, опрокинула и оставила задыхающимся и беспомощным, как если бы он был маленьким школьником. Без всякого повода, вопреки рассудку, в одно мгновение он влюбился в пустую, златокудрую девочку, носившуюся по бульвару Симлы на высоком мохнатом скакуне, с нахлобученной на глаза синей бархатной жокейской фуражкой. Имя её было Веннер – Тилли Веннер – и была она восхитительна. Она подцепила сердце Ресслея на галопе, и Ресслей решил, что не благо человеку жить одному, даже если его шкафы и ломаются от бумаг министерства иностранных дел.

Симла смеялась, потому что влюблённый Ресслей чуточку был смешон. Он делал все, что мог, чтобы девушка заинтересовалась им, то есть его работой, а она, как водится у женщин, делала все, что могла, чтобы казаться заинтересованной тем, что называла за его спиной «гаджами мистега Гесслея», так как очень мило картавила. Она ничего не понимала в них, но прикидывалась, будто понимает. Людям и до нашего времени приводилось жениться на основании такого рода заблуждений.

Однако Провидение пеклось о Ресслее. Он был чрезвычайно поражён умом мисс Веннер. Он был бы ещё более потрясён, если бы услышал её конфиденциальные отзывы о его посещениях. У него были своеобразные понятия об уходе за собой. Он считал, что человек должен сложить лучший труд своей жизни к ногам любимой девушки. Сдаётся мне, что Рескин где-то написал что-то в этом роде, но в обычной жизни несколько поцелуев скорее достигают цели и сберегают время.

Приблизительно через месяц после того, как он влюбился в мисс Веннер и вследствие того исполнял свои обязанности как попало, его впервые осенила мысль написать книгу о «Туземном управлении в Центральной Индии», мысль, преисполнившая его восторгом. В том виде, в каком он задумал её, это была крупная вещь – труд целой жизни – действительно пространственный обзор интересного вопроса, которому предстояло быть написанным со всем специальным и трудолюбиво приобретённым знанием Ресслея из министерства иностранных дел, словом, дар, достойный императрицы.

Он сказал мисс Веннер, что возьмёт отпуск и надеется по возвращении привезти ей достойный её подарок. Дождётся ли она? Разумеется, дождётся. Ресслей получал тысячу семьсот рупий в месяц. Ради этого можно подождать и целый год. Мамаша поможет ей дождаться.

Итак, Ресслей взял отпуск на год и все имевшиеся под рукой документы – чуть ли не целый вагон – и отправился в Центральную Индию, поглощённый своей темой. Он начал свою книгу в той стране, которую намеревался описать. Избыток официальной переписки превратил его в ледяного стилиста, и он, должно быть, сам чувствовал, что его палитра нуждается в ярком свете местного колорита. Но любителям опасно играть с этой краской.

Великий Боже, как работал этот человек! Он ловил своих раджей, анализировал их, прослеживал их сквозь ночь времён и дальше, со всеми их королевами и наложницами. Он записывал и сверял даты, выводил тройные родословные, сравнивал, вёл заметки, слышал их, связывал, сортировал, вносил в списки и т. д. в течение десяти часов в сутки. Но потому что его озарил внезапный и новый свет любви, он обращал сухую материю истории и грязные отчёты злодеяний в нечто, над чем можно было плакать и смеяться. Вся его душа и сердце висели на кончике его пера и отсюда попадали в чернила. В течение двухсот тридцати суток он обладал сочувствием, проникновением, юмором и стилем, и книга его поистине была книгой. При нем

имелись и обширные его специальные знания, но дар сочинителя, вплетённая в него человечность, поэзия и сила изложения были не чета каким угодно специальным знаниям. Однако едва ли он сам сознавал одухотворявший его тогда талант и, таким образом, не испытывал своего счастья в полной мере. Он работал для Тилли Веннер, не для себя. Люди нередко исполняют лучшее своё творение впопыхах, ради кого-нибудь другого.

Кроме того, – хотя это не имеет ничего общего с рассказом – в Индии, где все знают друг друга, можно наблюдать, как женщины выдвигают из строя подчинённых им мужчин и заставляют их брать призы в одиночку. Хороший человек, раз он снялся с места, пойдёт и дальше, но заурядный человек, чуть только женщина перестанет интересоваться его успехами, как данью своей власти, возвращается обратно в батальон и больше не даёт знать о себе.

Ресслей привёз первый экземпляр своей книги в Симлу и преподнёс его мисс Веннер, краснея и заикаясь. Она попробовала почитать немножко. Привожу её отзыв *verbatim*:

– О, ваша книга? Там все об этих ужасных гаджах. Я ничего в ней не поняла.

Ресслей из министерства иностранных дел был раздавлен, уничтожен – я нимало не преувеличиваю – этой пустой девчонкой. Он еле нашёл силы проговорить: «Но... но ведь это моё *magnum opus*! Труд всей моей жизни». Мисс не знала, что значит *magnum opus*, но она знала, что капитан Керрингтон взял три приза на последних скачках. Ресслей не стал настаивать на том, чтобы она ждала его. На это у него хватило здравого смысла.

Затем наступила реакция после годового напряжения, и Ресслей возвратился к иностранным делам и своим «гадгам» компилирующей, зачисляющей, пишущей отчёты клячей, не стоящей и трехсот рупий в месяц. Он подчинился приговору мисс Веннер, из чего можно заключить, что его книжное вдохновение было чисто временным и не скреплённым с ним никакой внутренней связью. Тем не менее он не имел никакого права бросать в горный пруд пять ящиков, доставленных с большими расходами из Бомбея и содержавших лучшую книгу, когда-либо написанную по истории Индии.

Несколько лет спустя, когда он распродал свои пожитки перед уходом в отставку, я рылся на его книжных полках и наткнулся на единственный существующий экземпляр «Туземного управления в Центральной Индии», тот самый, в котором мисс Веннер ничего не поняла. Я читал эту книгу, сидя на сундуке, пока не угас дневной свет, и предложил ему назначить за неё его собственную цену. Он просмотрел несколько страниц через моё плечо и уныло проговорил, как бы про себя:

– Каким это образом довелось мне написать такую чертовски толковую штуку?

Затем, обращаясь ко мне:

– Возьмите её и оставьте у себя. Напишите одну из своих грошовых побасёнок о том, как она родилась на свет. Быть может – как знать? – это и было единственным её предназначением.

И зная, чем некогда был Ресслей из министерства иностранных дел, я нашёл, что это горчайшая ирония, на которую способен человек, говорящий о своём собственном труде.